

“Работа над биографиями – это общение с моими героями”

Интервью Бориса Докторова Владимиру Ядову

Мы благодарны нашим коллегам Андрею Алексееву, Ларисе Козловой и Наталье Мазлумяновой за их замечания и ценные предложения по уточнению ряда положений, прозвучавших в нашей дискуссии.

Владимир Ядов, Борис Докторов

Начиная с 2005 года в петербургском журнале “Телескоп” регулярно публикуются интервью Бориса Докторова с российскими социологами. Находясь в США, наш земляк и мой друг пишет историю социологии в советское время, и, как я считаю, очень продуктивно. Недавно он прислал мне фрагменты своей новой книги об истории становления опросных методов в США, где рассматривает свой предмет, опираясь на сведения о судьбах первопроходцев массовых опросов. В заключении автор излагает далеко не тривиальные соображения относительно методологии работы с такого рода источниками.

Пару лет назад Борис Докторов брал у меня интервью [Ядов. 2005а; 2005б], теперь я предложил ему поменяться ролями и взял у него интервью on-line. Мы договорились для начала ограничиться обсуждением его работы над историей рекламы и опросов общественного мнения в США, потому что, реализуя именно этот проект, он в основном и разработал свою особую методологию. Рассматривая рассказ моего респондента-летописца в качестве своего рода методологического практикума, я расчленил текст на подразделы. Так легче вникнуть в особенности системы действий исследователя. Назову ее док-методологией интервью с экспертами.

Владимир Ядов

Особенности исследовательской методологии моего собеседника

Боря, твой титанический труд по реконструкции истории отечественной социологии на основе интервью с ее деятельными соосоздателями – шестидесятниками и следующими поколениями – представляется мне ценным как минимум в двух ракурсах. Один, само собой, – собственно история, как ты справедливо пишешь, вторичного становления, а не возрождения социологии в СССР. И второй ракурс – методология твоего подхода к предмету. Меня очень заинтересо-

ло стремление отрефлексировать именно методологию реконструкции становления методов опроса в Америке и следом – историю нашего прошлого. В начале 1990-х мне казалось, что по свежим следам невозможно более или менее адекватно, то есть непредвзято, описать по рассказам ветеранов социологии историю ее становления в СССР [Российская социология шестидесятых годов... 1999]. Но твоя работа вызвала в этом сомнения. Похоже, что тебе удалось найти методологическое решение проблемы. Давай поговорим об этом. Предлагаю тебе реконструировать лабораторию

твоих реконструкций. Согласись, что концептуальные опоры, которые помогают понять что-то большее, непосредственно не видимое в описываемых событиях, – это наши конструкции социальной реальности. Они могут быть более или менее эвристичными, но у нас нет доказательств их истинности (= полного соответствия сущности изучаемых процессов). Как ты смотришь на такую постановку вопроса в общем виде?

Прежде всего, Володя, спасибо тебе за твое постоянное внимание к моей работе – твои реакции на то, что я стараюсь делать, всегда крайне ценны для меня. Сейчас, когда мною накоплен некоторый опыт сбора и анализа биографической информации и прилагаются усилия, чтобы использовать ее для воссоздания нашего профессионального прошлого, указанные тобой две историко-научные проблемы и мне представляются важными, во всяком случае – заслуживающими направленного анализа.

Кроме того, я прочел твое заключение к еще не опубликованной книге “Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов”. Ты заметил, что это историко-научное исследование. Разверни смысл такого определения с опорой на биографию ученого как первоисточник.

Я думаю, что наше обсуждение должно охватить оба моих проекта – “русский” и “американский”. В последнее время я рассматриваю их как элементы единого историко-научного исследования, охватывающего четырехвековое прошлое-настоящее рекламы и опросов общественного мнения в США и пятидесятилетнее развитие отечественной социологии. Их и объединяет общая методология, позволяющая, как мне кажется, предложить такое толкование истории науки, в котором центральными фигурами оказываются ее создатели. Иногда я об этом говорю как о стремлении писать историю с “человеческим лицом”.

Продвижение по каждому из направлений – американскому и российскому – требует решения двух важнейших задач: как изучать биографии и каким образом строить переход от био-

графий к истории. Причем я трактую эти задачи не просто как проблемы общеметодологического плана (как надо делать?), но как области исследовательского поиска, то есть отыскиваю решения задачи непосредственно в процессе изучения и написания биографий творческих людей и перехода от анализа их судеб к воссозданию исторических процессов, в которых они являются главными участниками. Мне самому интересно, отвечая на твои вопросы, суммировать сделанное и аргументировать, почему я делал именно так, а не как-то иначе.

В итоге мне хотелось бы показать, что, следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал. Вместе с тем, безусловно, исследование прошлого любого фрагмента бытия предполагает много больше, чем рассмотрение жизни участников и свидетелей этого прошлого, и существует огромная литература, конкретизирующая это положение применительно к истории науки, искусства, прогресса в целом (см., в частности: [Кузнецов. 1972; Философия и методология истории. 1977; Коллинвуд. 1980; Гуревич. 1984; Тойнби. 1991]).

Исследование прошлого рекламы и опросов общественного мнения ведется мною уже восемь лет, изучение ряда аспектов становления и развития российской постхрущевской социологии – лишь три с небольшим года; оно – в самом начале. И хотя в методологическом плане они сейчас для меня едины, что не означает тождественности их методологии, сфокусируем наше обсуждение на рассмотрении сделанного.

Результаты исследований истории американской рекламы и творчества отцов-основателей изучения общественного мнения в США регулярно появлялись на страницах “Телескопа”, так что многое я могу не конкретизировать, а ссылаться на уже опубликованное. В целом на основе этих материалов были написаны две книги [Докторов. 2005а; Докторов. 2006а], они же составили и содержание третьей, неизданной, книги, упомянутой выше.

В науковедении, как ты знаешь, сосуществуют разные подходы. Томас Кун отирается на историю развития научного знания, Роберт Мертон ввел в анализ социальную среду ученого, Бруно Латур и Стив Вулгар, другие этнометодологи наблюдали “повседневную жизнь лаборатории”. Ты предлагаешь, если я не ошибаюсь, свою парадигму, не встречавшуюся в науковедческой литературе. Вопросы: (а) верно ли последнее? (б) Как бы ты сформулировал особенности своей методологии для учебного пособия?

Не знаю, содержится ли некая новая парадигма в моих попытках изучить то, как происходило становление рекламы и опросов общественного мнения в США, а также в моем подходе к анализу недавнего прошлого российской социологии. Во-первых, сам термин *парадигма* слишком многозначен. Во-вторых, за последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Мне кажется, что даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, предлагавшихся еще учеными XIX века. В-третьих, все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-науковедческие исследования биографической окрашенности, что не мог “со стороны” посмотреть на свою методологию.

Тем не менее я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжаю ставить перед собою, комплекс используемых аналитических приемов, нормативы научности, которые я разделяю, стилистика (риторика) изложения результатов – все вместе, возможно, содержит некую новую методологию. Твой вопрос я понимаю как просьбу указать, какие научные школы или кто из ученых оказали на меня наи-

большее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа нет, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя никогда ранее обсуждаемая с тобой проблематика не находилась в центре моих профессиональных интересов...

Если говорить о последних годах, когда я втянулся в собственно исторические штудии, то идеи Т. Куна явно не довели надо мною, его аппарат максимально эффективен при исследовании проблем перехода науки из одного состояния в другое, меня же интересовал прежде всего процесс зарождения выборочных опросов общественного мнения. Калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

В целом то, я что пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки

Теоретические построения Р. Мертона настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализи-

рованы. Да и российская тематика в значительной степени будет относиться к тому времени, когда отечественная социология была слабо институционализована.

Биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается науковедами-этнометодологами. Однако, по моему мнению, их внимание в большей степени сосредоточено на процессе развития науки, генезисе научного знания, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В целом то, я что пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось, давно это было, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б. Г. Ананьева, при чтении Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и И. С. Кона. Если говорить о работах историко-научоведческого плана, то это прежде всего исследования А. В. Ахутина, Л. М. Баткина, В. С. Библера, А. Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б. Г. Кузнецова, В. П. Зубова, У. И. Франкфурта, И. И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показаны становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю “биографии в истории” и “история в биографиях”. Именно эта литература обратила меня к чтению Куна, Мертона и этнометодологов.

Так что моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая “чистота жанра”.

С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место – стремление каким-либо образом генерализировать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей – “партикуляристов” и “дженералистов”, а далее – промежуточные, с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды на формирование и творчество ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где

более всего ценится практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения “биографии в истории” и “история в биографиях”. Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микротеоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видеосоциология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микроанализ или, следуя метафоре Пера Монсона, проплыть на лодке по аллеям парка [Монсон. 1995]. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: “биографии в истории” и “история в биографиях”? Ты намеренно стремился к такому со вмещению?

Я вообще не стремился к созданию какой-либо методологии, не видел такой цели в качестве самостоятельной. Мне просто хотелось решать здесь-и-сейчас интересующие меня историко-биографические задачи, но делать это, отчетливо понимая ограниченность моих возможностей. Я мог опираться лишь на собственные теоретические представления и предпочтения и собственный многолетний опыт использования разных методов.

Сначала – по поводу отнесения моей методологии к мертонианской на основании того, что я “стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого”. Грешно отказываться и от того, что я действительно пытаюсь это сделать, и от того, что мне близки идеи Мертона. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский по-

зитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловское-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Не мне судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов.

Теперь остановлюсь на происхождении ставшего для меня сейчас главным двуединого ориентира: “биографии в истории” и “история в биографиях”. Замечу, поиск обозначения того, что я делаю в связи с изучением прошлого рекламы и опросов общественного мнения, шел постоянно, но устраивающая меня формулировка возникла, лишь когда я начал заниматься историей российской социологии.

Получив от меня интервью с Борисом Фирсовым [Фирсов. 2005] (мой первый опыт интервьюирования коллег), тюменский социолог и культуролог Юлия Михайловна Беспалова, давно занимавшаяся биографическим анализом, написала, что видит здесь “биографии в политике” и “политику в биографиях”. Мне показалось, что говорить лишь о политике – узко, и я стал думать об истории. Это было в начале 2005 года, но лишь в конце следующего года я начал искать, как дать выход той энергии, которая, мне казалось, присутствует в игре слов “история” и “биография” [Докторов. 2007а].

Возможно, тебе покажется странным, но для меня две исследовательские линии – “история в биографиях” и “биографии в истории” – соединяют микро- и макроанализ. Реализация первого направления должна выявить, как история, то есть вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Исследования по второму направлению должны показать, как деятельность людей соз-

давала историю рекламы, опросов общественного мнения в США, как происходило становление постхрущевской советской социологии.

Какой из типов мышления тебе ближе в дихотомии партикуляризм – дженерализм?

Мое историко-наукоедческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и малоперспективным. При изучении биографий необходимо

быть партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция дженералиста позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и дженерализма. Междисциплинарность и полипарадигмальность моего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

Принимая твою методику, прошу резюмировать кратко в логике Маркса, который различал историческое и логическое в развитии знания. Какие авторы или научные школы заметно повлияли на твою работу (в порядке их значимости)? Какие моменты твоей научной биографии были особо значимы?

Для меня эти два вопроса – едины, я вижу в них твою попытку сделать со мною то, что я пытаюсь сделать с героями моих биографических поисков, то есть связать их деятельность с особенностями их социализации и профес-

Мое историко-наукоедческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю

сионализации. Потому постараюсь вспомнить и ранжировать в порядке значимости, хотя, замечу, в ранние годы становления личности логическое и историческое часто имеют общую временную локализацию. Во всяком случае, в моей жизни все главное в этом плане вмещается в 10–15-летний интервал.

Летом 1959 года, перед самым моим поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета, один молодой физик-ядерщик рассказал мне о двух книгах [Докторов. 2005б]. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Книга Шредингера [Шредингер. 1947], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Кроме того, это была первая самостоятельно прочитанная книга по философии, и она привила мне вкус к позитивизму. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [Инфельд. 1958], погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им перед самой гибелью, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

На третьем-четвертом курсах я стал заниматься математической статистикой и ее применениями в биологии и познакомился с работами Рональда Фишера и Карла Пирсона. Пожалуй, до конца 1970-х, отдавая большее внимание и время работам по другим темам, я изучал философию и математическое наследие Пир-

сона, думал когда-нибудь в будущем обобщить все это в книге. В начале 1960-х я начал изредка ездить в Москву и останавливался в квартире своего родственника Бориса Григорьевича Кузнецова – историка и философа науки, знатока эпохи Возрождения, автора большого числа книг, из которых наиболее известны биографии Эйнштейна [Кузнецов. 1962] и Галилея [Кузнецов. 1964].

Беседы с ним расширили мое видение истории науки, но делать из этого профессию я не собирался. В те же годы я начал сотрудничать с университетским психологом Иосифом Марковичем Палеем, который, кстати, когда у них

в лаборатории не было денег на полставки лаборанта, просил деньги из бюджета твоей лаборатории. Сначала я просто писал программу для ЭВМ по факторному анализу и обрабатывал психологические наблюдения, но обсуждения с Палеем получаемых результатов заставили меня погрузиться в методологию этой математической техники. Через несколько лет Борис Герасимович Ананьев согласился стать титульным руководителем моей кандидатской диссертации по факторному анализу и указал на важность изучения миграции методов. Хотя историко-научоведческими исследованиями я занялся бо-

лее тридцати лет спустя, этот поворот, несомненно, произошел под влиянием работ Кузнецова и семинара Ананьева по комплексному изучению человека.

Теперь отмечу три события, определивших всю мою последующую работу, – боюсь, здесь историческое и логическое неразделимо. Первое – поступление на математико-механический факультет, где был блистательный состав преподавателей и удивительно демократичные отношения между профессурой и студентами. Второе – многие годы участия в неформальном

Изучение прошлого, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: “А что было раньше?”, тогда как историческая тематика, встроенная в настоящее, добавляет к нему: “А что будет потом?” Я постоянно пытаюсь “утолщить” настоящее, перетаскать из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным

(его не было в сетке часов) “Биометрическом семинаре”, который создал более 40 лет назад и как будто продолжает вести сегодня Олег Михайлович Калинин. (Он на четыре-пять лет старше меня, всегда отличался нестандартным мышлением и резким неприятием марксизма.) На семинаре обсуждались и собственно математические проблемы, и широчайший круг общенаучных, мировоззренческих тем. У нас многократно выступал биолог и философ Александр Александрович Любищев, мы много раз слушали генетика-антидарвиниста Раису Львовну Берг, наброски своей теории пассионарного этногенеза излагал Лев Николаевич Гумилев. Третье событие – 1968 год, начало работы в социологической команде Андрея Здравомыслова [Здравомыслов. 2006] в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и через пару лет знакомство с Фирсовым. Так я “прикипел” к проведению опросов общественного мнения, и вместо того чтобы заниматься прикладной математикой или историей науки, начал погружаться в социологию.

И последнее событие – переезд на постоянное место жительства в США. Я вынужден был заново начинать жизнь и готов был вообще отойти от социологии и вернуться к математике, программированию. Я был безработным, закончил колледж, более четырех лет работал секьюрити и потом медленно возвращался к науке. Летом 1999 года, после пятилетнего молчания, я опубликовал в Петербурге две статьи о развитии российского Интернета, и весной следующего года, с небольшой заметки в сан-францисской русской газете [Докторов. 2000а], начались мои публикации по истории гэллаповских опросов. Я делал выбор в пользу историко-методических исследований, поскольку это было продолжением методических разработок, которыми я многие годы занимался в СССР / России, и позволяло надеяться на использование собственных знаний в области истории науки. Было еще одно обстоятельство: останавливаясь на этом исследовательском направлении, я приобретал полную независимость, мне не нужно было согласовывать планы с кем-либо, отчитываться перед кем-либо и ис-

кать организационную или финансовую поддержку.

Добавлю также, что в силу известной отстраненности от политики я всегда занимался методикой социологических исследований и лишь в самом начале 1990-х сделал несколько работ по изучению сознания россиян. Отчасти это было связано с моим интересом к использованию оригинальной многомерной типологии ценностных ориентаций. Приехав в США, я в принципе не думал о работе, связанной с анализом российской реальности.

Очень интересно, и в частности тем, что в который раз убеждаешься, насколько занятые в науке люди по-разному делают свое дело. Из названных тобой я бы отнес Б. Ананьева и И. Палея к тем, кто и на меня оказал сильное влияние, Ананьев – особенно. Благодаря ему я стал заниматься проблемами личности, общение с ним толкнуло в эту проблематику. Игорь Кон, Иосиф Палей, Галина Андреева, другие мыслящие психологи и социологи помогли сделать что-то нетривиальное в этом плане. Интересно также, насколько разнятся наши с тобой стили исследовательской работы. Всю свою жизнь я сознательно следовал правилу, которым руководствовался мой научный руководитель по кандидатской Василий Петрович Тугаринов: искать новую – или как минимум новую для меня – проблему. Глубже продавливать собственную колею мне очень скучно. И что получается? Выходит, что, как это установил В. С. Мерлин, люди разных типов характера используют свой “индивидуальный стиль” в реализации заданной каким-то образом “социальной схемы”. Можно сказать, что наши жизненные траектории сложились по обстоятельствам, от нас зависящим далеко не полностью, а то и вовсе не зависящим. Я утверждаю, что мой стиль в исследовании – искать новую проблематику. Как ты определишь свой стиль?

Это верно, наши жизненные траектории случились по обстоятельствам, от нас во многом не зависящим, но их сближает, как мне кажется, общий жизненный оптимизм. Отсюда

и общая установка – поиск новой проблематики. Не буду уходить в прошлое, в годы советской жизни, расскажу лишь о темах, которые я осваивал уже после переезда в Америку.

Все началось с изучения российского Интернета, я разрабатывал эту тему как курсовую при обучении в колледже в 1998–99 годах. На рубеже ушедшего и нового веков совместно с Александром Ослоном и Еленой Петренко мы искали компактный путь для обзора динамики общественного мнения россиян в эпоху Ельцина; мне представляется, что введение принципа “кульминационных точек” позволило решить эту задачу [Докторов, Ослон, Петренко. 2002]. В начале 2000 года родилась “гэллапиада” – изучение биографии Гэллапа, вскоре переросшее в исследование четырехвекового процесса становления в США опросов общественного мнения. При этом мне пришлось основательно погрузиться в прошлое американской рекламы. Методология исторического поиска привела меня к концепции меняющегося “толстого настоящего” и отсюда – к футурологическим размышлениям. Это позволило говорить о наметившемся движении к постгэллаповским опросным технологиям, за развитием которых я пристально наблюдаю уже ряд лет. Президентская избирательная кампания 2008 года в США должна дать ответы на многие методологические вопросы относительно перспектив онлайн-новых зондажей электората. Ну и, наконец, последние годы отданы изучению современной российской социологии.

“Толстое настоящее”? Поясни, что ты подразумеваешь под этим термином.

Видение настоящего как “толстого” и постоянно меняющегося в конфигурации пятна возникло в попытке дать для себя определение “современного”, что для исторического исследования крайне важно.

В заголовке моей первой статьи о Гэллапе [Докторов. 2000б] стояли два слова, во многом определивших направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировавших предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова – “наш современник”. Тогда я привел ряд ар-

гументов в подтверждение того, что Гэллап – “наш современник”, но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерченными. Оставалось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? К столетней истории соломенных (донаучных) опросов? К философии рекламы Барнума [Докторов. 2005в]? К ранним исследованиям рынка Чарльзом Парлином? Ведь формально все это удалено от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодня мой ответ на подобные вопросы однозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолицает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как то: вчера, сегодня, завтра, – но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от “сегодня” (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений.

Статья, написанная в начале 2000 года, о делавших первые шаги онлайн-опросах [Докторов. 2000в] не рассматривалась мною тогда как часть историко-научоведческих поисков: они касались прошлого, а Интернет – это настоящее-будущее. Но обращение к перипетиям становления соломенных опросов и изучение возникновения приборных методов измерения радиоаудитории уже после публикации указанной работы позволило увидеть в лишь зарождавшейся истории сетевых опро-

сов многое из того, что было мне знакомо по изучению гэллаповской опросной процедуры; “горячее настоящее” сразу удлинилось на сотню лет. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: “А что было раньше?”, тогда как историческая тематика, встроенная в настоящее, добавляет к нему: “А что будет потом?” Я постоянно пытаюсь “утолщить” настоящее, перетащить из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Я не могу освободиться от мысли о том, что настоящее – лишь точка в развитии различных процессов. И в целом прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, где в каждой его клеточке существует “свое” прошлое, настоящее и будущее.

Результаты проводимого мною исследования подтверждают выводы о нелинейности развития науки, в частности, общеметодологическое значение приобретает тот факт, что измерения общественного мнения огромным числом уже прослеженных и еще не известных нам нитей связаны с методическим арсеналом исследований рынка. Законы истории универсальны, и потому сказанное относится не только к прошлому, но к настоящему и будущему.

Да, хороший термин, ассоциируется с “плотным описанием” по Клиффорду Гирицу – описанием фактов в широком контексте. Я обратил внимание на то, что политика тебя не очень интересовала, исключая период перестройки. Но в роли декана я непременно говорю абитуриентам в день открытых дверей: “Ребята, кого не волнуют социальные проблемы, советую на наш факультет не поступать”. Конечно, социальные проблемы и политика не одно и то же, но связь между ними – теснейшая. Просвети, как понимать замечание, что политика тебя не интересовала, а вместе с тем ты начал

идентифицировать себя именно с социологом, то есть исследователем социальных процессов?

Ты абсолютно прав, молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений. Юрий Левада шел на философский в поисках правды [Докторов. 2007б], Борис Грушин пришел в университет “в кожанке и с маузером” [Докторов. Грушин. 2004], мои интервью с Татьяной Ивановной Заславской [Заславская. 2007], Андреем Григорьевичем Здравомысловым, тобою ясно

указывают на то, что вы несли в себе некие социальные идеалы и считали, что именно вы сможете улучшить мир. Потому – в моих представлениях – и возникла постхрущевская социология. В очерке памяти Грушина [Докторов. 2007в] я писал, что его идеи были продолжением его идеалов, это относится и ко всем (почти всем) тем, кто стоял у истоков рождения нашей науки.

После окончания школы я выбирал между математикой и физикой, но никогда не задумывался о философии, истории или какой-либо иной общественной дисциплине. Я пришел в социологию случайно, и мне понравилась не наука, а ее методы и люди, которые ее делали [Докторов. 2006]. Может, потому я в конце концов и занялся обсуждаемой нами сейчас тематикой.

Ты говорил, что частью твоей методологии является стиль, риторика изложения материалов исследования. Что ты имеешь в виду?

Когда моя исследовательская тематика стала разворачиваться от анализа методики опроса к изучению деятельности ее создателей, встал вопрос о стиле изложения материалов. До отъезда из России я занимался вопросами использования математических методов, выборки, проблемами надежности измерения в социологии; это особая область научных разработок,

Молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений

и это специфический язык оформления результатов. Теперь же требовалось что-то иное.

Начну с того, что я решил обращаться в своих текстах не только к социологам-методистам, но к более широкому кругу специалистов, к тем, кто интересуется общими вопросами социологии, историей, развитием науки. Это требовало отказа от использования узкопрофессиональных терминов, формул, графиков, минимизации количества таблиц. Необходимо было найти более доверительную форму общения с потенциальным читателем, наполнить тексты деталями, удерживающими его внимание. Нужно было поверить в способность человека самостоятельно соединять многие факты и потому избегать дидактичности. Как упорядоченный набор движущихся с определенной скоростью кадров складывается в голове зрителя в фильм, так внутренняя логика и динамика текста должны побуждать читателя к самостоятельным размышлениям.

Я помню, с каким трудом писались первые страницы, ведь, кроме всего прочего, началу этой работы предшествовал пятилетний простой. Постепенно возникавший стиль письма стал нормой, я уже мог не думать о нем, он сам начал немного управлять моей работой...

Боря, я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы (“было выявлено” и т. п.). У Майкла Малкея [Пилбер. Малкей. 1987] я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Не свидетельствует ли это об отношении к работе как к истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?

Использование безличных глаголов, сам я этого не замечаю, явно восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты: как было пока-

зано, как предполагалось и т. д. Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю, к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science. Во-первых, одним из предметов моего анализа является развитие эмпирического метода, использование которого позволяло Гэллапу относить свою деятельность к науке (science). Во-вторых, как указано выше, моя методология формировалась под влиянием позитивистских исследований истории и методологии науки.

Когда-то Палей говорил мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. Возможно, что использование местоимений “моей”, “мною” есть аналог жестикуляции левой рукой.

Психофизиологи нашли также, что при обдумывании сложной проблемы человек иногда расхаживает взад-вперед, размахивая правой рукой, – эффект право-левополушарной асимметрии. Правой рукой мы “полагаем” левому полушарию рассуждать логически. Продолжим... Ты много лет изучал наследие Гэллапа. Что определяло последовательность твоих действий?

Прежде всего скажу, что никакие гранты, структуры не финансировали мою работу, поэтому формально у меня не было причин для планирования работы. Меня “заводил”, затягивал в процесс работы интерес к ней, а позже возникло ощущение обязательности, ответственности перед теми, кто оказывался в поле моего зрения.

До середины 2002 года все сводилось к освоению жизненного пути и ряда аспектов деятельности Гэллапа; исследование еще не было ни биографическим, ни историческим: Гэллап был единственным героем, не было осознания необходимости углубляться в далекое прошлое, рекламная тематика была лишь заявлена. Абсолютно неожиданное для меня появление на горизонте фигуры Эмиля Хурьи с его методикой построения электорального прогноза [Докторов. 2002], занимающей “промежуточное” по-

ложение между правилами предсказания, использовавшимися “Литерари Дайджестом” и Гэллапом, высветило для меня два новых момента. Во-первых: необходимо прислушиваться к пробивающимся из прошлого голосам и следовать за ранее неизвестными персонажами, и во-вторых: в истории современных выборочных опросов общественного мнения, хотя она не столь уж продолжительна, многое забыто и требует восстановления.

Собственно, тогда появилось осознание важности и обязательности изучения широкого круга создателей рекламы и опросной технологии, стало формироваться понятие “толстого” настоящего и возник новый взгляд на планирование моего исследования, совсем не тот, которым я руководствовался ранее. Исследованию, пронизанному принципами понимающей, мягкой методологии, должно отвечать и мягкое планирование, допускающее, более того – оправдывающее требование постоянной готовности к уходу с основной дороги на вдруг обнаружившиеся тропочки. Когда обнаруживалось что-либо новое для меня в конструировании рекламы или в технике опроса, я сразу же старался узнать как можно больше об авторе этой инновации; с другой стороны, если в текстах встречал неизвестное мне имя, пытался найти и проанализировать сделанное новым для меня человеком. Это лишь кажется, что подобное реагирование на “случайное” уводит от основного пути, в действительности это сигналы, на которые нельзя не обращать внимания. Так, неожиданно на сайте музея и библиотеки президента Трумэна я встретил Самуэля Хейза-мл., он был на десять лет моложе Гэллапа, но смог провести общенациональный электоральный опрос в 1932 году, то есть за четыре года до него. Это заставило меня задуматься о том, почему регулярные замеры общественного мнения начались в 1936 году, а не раньше, что, в свою очередь, привело к интересным выводам о соотношении идей и идеалов как стимулов творческой деятельности.

Но все же во время моего путешествия в прошлое я постоянно прислушивался к советам двух главных гидов. Первый – Гэллап, чьи

жизнь и творчество реально и виртуально были связаны с жизнью и деятельностью огромного числа людей, оставивших яркий след в американской науке, культуре и политике. Второй – Дэвид Огилви [Докторов. 2006в], последний классик американской рекламы XX столетия, который в серии книг не только описал свою жизнь и карьеру, но и проанализировал творчество многих, на чей опыт он опирался в поисках своего собственного стиля создания эффективной рекламы.

Позволь заметить, что я вижу здесь особый стиль именно историка, которому важны детали. Будущие историки, возможно, по-иному осмыслят написанное тобою. Как далеко не историк я, напротив, вымарываю у своих диссертантов все, что прямо не относится к рассматриваемой проблеме по существу. Наверное, когда ты занимался факторным анализом, тоже убирал или опускал в “подстрочник” соображения, возникавшие “по ходу дела”?

Диссертация – это особый жанр и всегда ограниченный объем. Моя работа по факторному анализу была защищена без малого сорок лет назад, я забыл, как справлялся с изложением того, что мне казалось важным. Наконец, по сути единственное замечание-предложение, полученное мною от Б. Г. Ананьева, касалось усиления исторического раздела: необходимо было прописать пути миграции факторного анализа из психологии образования (измерение способностей) в другие разделы психологической науки.

Работа над биографией как общение с ее героем

Существуют разные типы биографических исследований. Как ты классифицируешь биографии, которые описываешь и анализируешь?

Действительно, скорее всего, можно построить континуум биографий исторически значимых людей. На одном его полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками типа

“Who is who?” или “Who was who?” По сути это сугубо информационный материал. На другом – романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями; это, по выражению Даниила Данина, “кентавры”, совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам “кентавристики” относятся и его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре. Голофаст писал мне: “...Ты работаешь на грани литературы. Посему будь постпостмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков” [Электронное письмо В. Голофаста Б. Докторову от 23.01.2004].

Мне представляется, что очень близко я к этой грани не подхожу, ибо создаю лишь “профессиональную биографию”, то есть показывающую человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности героя, образа его жизни, внутреннего мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания биографии ради изучения истории в область биографической литературы.

В заголовке завершаемой тобою книги “Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов” есть слово “судьба”. Что оно для тебя означает?

Действительно, это сложный вопрос, ведь соотношение таких сложных субстанций, как биография и судьба, пытается постичь не только наука, но литература и религия. Слово “судьба” вынесено в заголовок, но я его крайне редко употребляю в тексте книги; скорее, им характеризуются мое отношение к биографическому

материалу, выбор некоторых акцентов в интерпретации фактов жизни моих героев.

В конце 2003 года Юлия Беспалова подарила мне свою небольшую книжку о западносибирских предпринимателях [Беспалова. 2002]. Я прочел ее, но, поскольку тогда только “вкатывался” в изучение биографий “отцов-основателей” опросов общественного мнения и приходилось читать очень многое непосредственно относившееся к их жизни, я забыл про эту работу. А в начале 2005 года я обратил внимание на тот раздел книги, в котором она трактовала соотношение биографии и судьбы, и тогда этот мотив стал для меня весьма существенным.

Для меня биография человека – это совокупность всех его действий и мыслей на протяжении его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни и “плотность” окружавшего его социокультурного пространства, ибо все это уже произошло, и в этом смысле жизнь нельзя переписать, прожить заново. Но будущее всегда

придает прожитой им жизни новый смысл, и значит – детерминирует, проявляет его судьбу.

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба теоретически бесконечна, точнее сказать, судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто – и много раньше.

В свете сказанного и учитывая дальнорочность истории, историк, как правило, имеет дело не собственно с биографией человека, но с биографией как частью, элементом, слоем его судьбы. И очень часто чем более продолжитель-

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба теоретически бесконечна

ный интервал времени разделяет биографа и его героя, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а нередко и за более короткий срок, биография “пропитывается” судьбой, происходит мифологизация образа человека.

Понадобится поразмыслить над тем, что ты сказал. Сейчас спрошу следующее. Методология твоего американского проекта фактически ориентирована на изучение жизни всех тех, чья деятельность прямо или опосредованно была связана со становлением рекламы и опросов. Разверни этот момент.

Если отвлечься от технической стороны поиска биографической информации и пытаться сконцентрироваться на существенных аспектах узнавания нового человека, то здесь можно говорить об общении биографа и его героя. Процесс изучения и создания биографий целесообразно обсуждать в рамках социологии и психологии общения. Итог такой работы зависит от:

- 1) готовности (установки) к общению с героем, то есть моей способности понять его и рассказать другим о сделанном им и о нем самом;
- 2) подготовленности к общению с героем (информированности), то есть полноты информации о сделанном им и о его жизни;
- 3) наконец, характера самого общения или диалога; в силу многих объективных и субъективных обстоятельств оно может оказаться плодотворным для решения историко-научоведческих задач, но может и не быть таковым.

Прежде всего успешность биографического анализа зависит от установки на контакт, на общение с людьми, оказавшимися в поле зрения биографа. Иногда позитивная установка в силу каких-то причин возникает сразу, иногда ее надо культивировать и ждать ее созревания. Когда я впервые в много раз читаной книге Гэллапа и Сола Рея “Пульс демократии” обратил внимание на финское имя Эмиль Хурья, я сразу подумал, не было ли у меня с Хурьей общих знакомых, ведь в 1980-е годы я активно контактировал с ведущими финскими полстерами. И это дало импульс к поиску информации о Хурье. Но

могу привести и пример другого типа: я семь лет “знаю” Даниэля Старча, классика изучения рекламы, который мог стать одним из “отцов” опросов общественного мнения. Он блестяще окончил Университет Айовы несколькими годами раньше Гэллапа, причем учился у тех же профессоров. Он прожил долгую жизнь и многое сделал. Но пока я написал о нем крайне мало. Почему? Не могу объяснить.

Есть разница между мысленными диалогами с теми, кто закладывал основы современной американской рекламы и технологии изучения общественного мнения, и непосредственным общением, скажем, интервью с коллегами. Но в обоих типах диалога есть и много общего: оба могут протекать легко или трудно, тяготеть к обмену мнениями или затяжным монологам, быть тематически узкими или широкими и т. д. Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится, скажем, вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, они всегда “здесь-и-сейчас”.

Ты не скрываешь своей пристрастности к героям. Это так? А если да, то возможны упреки в необъективности.

Да, верно. То обстоятельство, что процесс создания биографии я рассматриваю как форму общения, диалога с ее героем, без сомнений, результат чтения М. М. Бахтина. А вот откуда возникла идея пристрастности в отношении к героям, я не знаю, скорее ее появление – следствие растянутого во времени двухэтапного процесса.

Возможно, что в ее основе лежит мой интерес к философии физики и мое представление о неизбежном влиянии наблюдателя на результаты измерений. Другими словами, взгляд историка – это продолжение моих давних метрологических размышлений [Докторов. 1979]. В своей “Драматической социологии” Андрей Алексеев приводит фрагменты моего отзыва на рукопись его книги “Познание через действие”, написанного в январе 1990 года; тогда я занимался только жесткими социологическими методами и не думал об изучении биографий. Там сказано: “Автор пристрастен. Эта пристраст-

ность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и «объектом» эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастным и будущим читателям, и рецензенту” [Алексеев. 2005. С. 31]. Пристрастность я ставил в плюс работе.

Но про этот отзыв я давно забыл и перечитал его лишь недавно, так что при изучении биографий я пришел к “пристрастности” снова и, возможно, следовал чему-то из Бахтина, или Библера, или из Ю. М. Лотмана. Но, как мне представляется, это скорее навеяно тем, что говорили А. Ахматова и М. Цветаева о своем видении творчества Пушкина. И если у поэтов может быть “свой Пушкин”, то почему у историка опросов общественного мнения и рекламы не может быть своего Гэллапа или Огилви? Говорят ведь об истории Н. М. Карамзина, М. Н. Покровского... и ничего. Все – авторское. История всегда авторская.

Во всяком случае, признаюсь, о “личностном знании” Майкла Полани [Полани. 1985] я узнал лишь из отзыва Дмитрия Рогозина на мою книгу о первопроходцах мира мнений [Рогозин. 2005], а вскоре на близость моих рассуждений и идей Полани мне указал Алексеев. Но я не сторонник крайностей. Пристрастность – не единственный “недостаток” в работе историка.

От биографии – к истории

Не мог бы ты показать на примерах, как ты вышел за границы жизни отдельного героя и решил рассматривать длительные периоды времени?

Если говорить о принципе, то такое движение мне подсказал сам биографический материал. Я его внимательно читал и пытался понять, как я могу использовать информацию о жизни человека в раскрытии его профессиональной деятельности. Полагаю, что во многих случаях было бы сложно сделать подобный шаг, но мне повезло с первым объектом моего историко-биографического анализа – Джорджем Гэллапом.

В одном из биографических справочников я прочел, что Гэллап – американец в десятом поколении, и мне сразу показалась интересной мысль о связи времен, об ответах на вызовы предков и так далее. Проверка этого краткого сообщения вывела меня на Ассоциацию членов семьи Гэллапов (The Gallup Family Association) и на поиски людей, к которым я мог бы обратиться с просьбой о новой информации об этом клане. Я стал изучать сайт этой организации и обратился к некоторым людям, чьи рассказы об их предках показали мне наиболее интересными. Так я познакомился с Джоном Гэллапом (John Hoagland Gallup), в то время одним из активистов Ассоциации, и он подарил мне уникальную книгу по генеалогии семьи Гэллапов [Gallup Genealogy. 1987], содержащую краткие заметки о тысячах членах этого рода, о четырнадцати поколениях. Первым был Джон Галлоп I, достигший берегов Нового Света 30 мая 1630 года. Он принадлежал к пуританской общине, оказавшейся самой важной и наиболее влиятельной среди всех, прибывших в Северную Америку. Община привезла с собою пуританскую, или протестантскую, этику, определившую специфику американского капитализма, именно в этой общине и выходцами из нее были выработаны фундаментальные принципы организации и функционирования властных институтов и заложены основы американской демократии. Сам Джон был авторитетным человеком в среде первых поселенцев Новой Англии, владельцем и капитаном первого корабля, построенного в Америке. На картах Бостона и прилегающей территории в середине XVIII века были отмечены места, названные его именем: верфь Галлопа, аллея Галлопа. Есть остров Галлопа в гавани Бостона, сейчас он является исторической частью города.

Для монографии о Гэллапе, которую я, может быть, когда-нибудь напишу, у меня готова серия очерков о членах этой огромной семьи. Изучая только ее, можно многое увидеть в процессе зарождения американского общества и американской культуры. Гэллапы всегда стремились знать и помнить своих предков, результаты первого исследования истории американской семьи бы-

ли опубликованы в 1893 году, а в 1902 году была образована The Gallup Family Association. В частности, интересовались генеалогией отец Джорджа Гэллапа и он сам, знают ее и его дети. Я не удивился, увидев строки выдающейся американской поэтессы Эмили Дикинсон “Успех всегда так сладок / Не ведавшим его” в начале книги сыновей Гэллапа. Дикинсон – представительница девятого поколения Гэллапов.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести еще один факт из истории семьи Гэллапов. Внучка Джона Галлопа I из четвертого поколения в 1821 году вышла замуж за Обади Буша, предки которого по материнской линии прибыли в Америку с первой группой пилигримов 11 ноября 1620 года на легендарном “The Mayflower”. В 1988 году их правнук Джордж Буш-старший (представитель 11-го поколения Гэллапов) стал 41-м президентом Америки, а в 2000 году – его сын Джордж Буш-младший – 43-м президентом.

Я писал о сумме обстоятельств, предопределивших начало проведения Гэллапом регулярных опросов общественного мнения в США, о его глубоко демократизме, огромном опыте маркетинговых опросов, но, несомненно, одним из значимых факторов является и его причастность к истории страны. Чувства членов этой семьи отражены в письме вышеназванного активиста Ассоциации Джона Гэллапа: “...Конечно, Джордж Гэллап был самым настоящим американцем. Длительная история нашей семьи заставляет нас принимать близко к сердцу все происходящее в стране, усиливает чувство причастности к ней. Мы гордимся тем, что являемся частью истории великой страны. Мы ничуть не больше американцы, чем все остальные, но живя здесь с 1630 года, знаем, кто мы такие и какова наша роль в этом великом потоке истории” [электронное письмо Дж. Гэллапа Б. Докторову от 24.06.2000].

Сюжет с долгой историей семьи Гэллапа мог бы стать лишь красочной иллюстрацией к его

биографии, но он приобрел статус базового при определении того, насколько следует углубляться в прошлое при изучении истории выборочных опросов.

История семьи Гэллапов хорошо иллюстрирует новую мысль, а именно: решающие различия русской и американской ментальности в общем виде заключаются в том, что американцы в силу самой истории страны видят цель прогресса в расширении индивидуальной свободы, отсюда – индивидуализм как черта национального характера, а русский образ идеального общества – не индивидуалистический, но коммунистический – царство справедливости. Здесь и коренится проблема особого пути России в мировом сообществе. Впрочем, это про-

блема не только России. Что ты об этом думаешь?

На оси “индивидуализм” – “коллективизм” (названия полюсов бывают разными) страны Европы, Северной и Южной Америки заполняют весь континуум, и Россия расположена в области “высокого коллективизма”. Это фиксируют как культурные антропологи, так и социологи, применявшие методы многомерного шкалирования при изучении ценностных ориентаций националь-

ных общностей. Хотя ряд тенденций глобального характера, такие, как, например, рост гедонизма, с одной стороны, и угрозы терроризма – с другой, заметно сказываются на изменении ценностных структур разных групп населения.

Вместе с тем отмечу, что в России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связке с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам. Многие из моих героев уже в 7–9 лет начинали работать в домашнем бизнесе или на стороне, чтобы помочь семье, они рано уходили из дома и начинали жить самостоятельно, неся полную ответст-

Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, они всегда “здесь-и-сейчас”

венность за себя. Не достигнув 20 лет, они открывали свое дело, то есть отвечали уже не только за себя, но и за своих работников, преподавали, пробовали себя в проповеднической деятельности. После первых крупных успехов в своем деле они активно участвовали в благотворительных акциях и проектах, вкладывали значительные суммы в развитие культуры и науки, часто за символическое вознаграждение работали в правительстве или консультировали его. Хэдли Кэнтрил, один из первых в изучении общественного мнения, писал о Джерарде Ламберте, выдающемся бизнесмене и рекламисте: “Джерри был в высшей степени талантливым и творческим партнером в той огромной работе, которая делалась для Рузвельта во время войны, а его щедрая финансовая помощь давала мне возможность проводить те исследования для Рузвельта, которые я считал необходимыми, вне зависимости от того, будут ли они поддержаны каким-либо правительственным фондом” [Cantril. 1967. P. XI].

Позволь заметить, что в отличие от расхожего мнения обществоведы вовсе не считают индивидуализм, присущий западной культуре, элементарным эгоизмом, они отмечают развитое на Западе чувство персональной ответственности (в “научение” молодым, да и немолодым тоже).

Теперь вопрос. Ты говорил, как перешел от анализа биографий к исследованию исторических процессов. Мог бы ты развернуть это в понятиях социологии и истории науки, передачи опыта в науке?

Расскажу итоги одного микроисследования, фактически длившегося четыре года [Докторов. 2007]. В начале работы над биографией Гэллапа обнаружилось несовпадение данных в разных энциклопедических словарях о том, когда он учился в Айовском университете и какие ученые степени ему были присвоены. Для внесения ясности в этот вопрос я отправил запрос в архив университета. Ответ оказался в высшей степени неожиданным и в значительной мере стимулировавшим последующие исследования жизни и творчества Гэллапа. Это была ксерокопия трехстраничного текста (выписка из “личного дела”)

студента Джорджа Гэллапа, содержащего исчерпывающую информацию о том, какие курсы в какие годы он изучал и как были оценены его знания. Замечу, мне не известны историко-научно-ведческие работы, в которых этого рода документы анализировались бы с целью “измерения” процесса передачи научного опыта.

Ознакомившись с выпиской, я понял, что недостаточно знать, какие предметы изучал Гэллап, крайне важно, кто их преподавал. Я отправил новый запрос в архив университета и через некоторое время получил документ с указанием фамилий и инициалов преподавателей. В некоторых случаях по фамилиям и инициалам можно было отыскать в справочниках и в Интернете базовые данные о заинтересовавших меня ученых, но когда имеешь дело с распространенными фамилиями, типа Knight, Haynes и подобными, найти релевантную информацию практически невозможно; пришлось вновь обращаться в архив.

Гэллап поступил в университет 26 сентября 1919 года и завершил свое образование 23 августа 1928 года, получив степень доктора наук (Doctor of Philosophy) по прикладной психологии. Кроме того, он имел специальную подготовку в теоретической психологии и экономике. Отталкиваясь от этих данных, я выбрал одиннадцать профессоров и преподавателей, обучавших Гэллапа психологии, и начал изучать их жизненные пути и творчество. Я искал необходимую информацию в энциклопедических справочниках, в книгах по истории психологии, в воспоминаниях людей, работавших в те годы в Айовском университете и учившихся примерно в те же годы, что и Гэллап. Я приобрел многие книги этих ученых, чтобы понять, что мог знать Гэллап по избранной им профессии.

Оказалось, что одна группа профессоров Гэллапа (старших по возрасту) принадлежит к ведущим психологам Америки, основателям ряда направлений психологических исследований, они учились у основоположников американской психологии и у крупнейших европейских ученых. Другая группа – это ученики профессоров из первой группы, которые тоже стажировались в ведущих психологических лабораториях США, Германии, Франции и Англии.

В целом обнаружилось, что Гэллуп имел блестящее по тому времени психологическое образование, и удалось выделить “траектории преемственности”, соединяющие Гэллупа через его преподавателей с классиками психологической науки Гальтоном, Джемсом и Фехнером.

Безусловно, научный опыт передается через множество каналов: книги и статьи, научные форумы, письма, архивные документы и прочее, но наиболее эффективными в течение столетий были и остаются сейчас прямые контакты учителя и ученика, преподавателя и студента. В этой коммуникации передаются не только собственно научная информация, не только навыки исследовательской работы, но сам дух, этика профессионального сообщества. Преемственность в науке имеет множество аспектов и составляющих, она не сводится лишь к прямым формам коммуникации между учеными разных поколений. Однако трудно говорить о преемственности, если ученые новых поколений оказываются плохо или вообще незнакомы с работами своих предшественников.

Нынешняя система университетского обучения у нас все более обезличивается. Профессор нередко общается со студентами по электронной почте, семинар на дому профессора, что я еще застал, будучи студентом, немислим, тексты рефератов и эссе доминируют над разговором лицом к лицу. В Америке те же тенденции?

Я не большой специалист по американской системе образования, но уверен, что студенты, ориентирующиеся на личное общение с профессорами, всегда имеют возможность побеседовать с ними. К тому же многие студенты постоянно общаются с преподавателями, работая вместе с ними в лабораториях, на кафедрах, ведь в США наука делается прежде всего в университетах.

Насколько я понимаю, ты придаешь принципиальное значение построению и анализу коммуникационной сети, связывающей всех твоих героев: тех, кто создавал и изучал рекламу, и тех, кто заложил основы современной практики изучения общественного мнения. Как ты выстраивал коммуникационную сеть, с чего начинал?

Использование коммуникационных сетей в науковедении – дело давнее, и к нему обращаются многие науковеды. Это помогает понять роль формальных и неформальных связей между учеными, раскрыть механизмы формирования научных школ и направлений, описать пути распространения нового знания и новых методов. В целом мне все это знакомо, но в начале работы у меня не было плана создания такой конструкции, ибо исходно исследование планировалось как историко-методическое, я не думал, что оно будет историко-биографическим.

Реально импульсом к построению коммуникационной сети стал небольшой фрагмент одного из последних интервью Гэллупа, где он подводил итоги сделанного более чем за полвека [George Gallup: Mr. Polling... 1986]. Там ничего не говорилось о становлении системы измерения общественного мнения или об элементах стиля деятельности Гэллупа, но был указан один из ключевых моментов его жизни и названы имена людей, много значивших в его личной и творческой судьбе. Сначала этот короткий диалог помог мне построить изучение биографии Гэллупа по принципу: “к Гэллупу от Гэллупа и от людей, окружавших его”. Далее, реализуя этот план, я пришел к необходимости изучения широкого круга людей, контактировавших с основными героями моего исследования.

Очевидно, что *априори* было невозможно очертить архитектуру коммуникационной сети ни в отношении числа ее уровней, или слоев, ни в отношении ее профессионального состава. Был виден лишь главный критерий для включения того или иного человека в эту сеть: причастность к поискам приемов создания эффективной (продающей) рекламы, исследования установок и поведения, а также совершенствования процедур изучения общественного мнения. Понятие причастности трактуется мною очень широко и “в пользу субъекта”; лучше включить тех, кто – по мнению иных исследователей – непричастен, чем не указать действительно заслуживших право присутствия в истории.

Исторический процесс – итог взаимодействия людей, и потому методологически ошибочно сводить анализ динамики многовекового

процесса к освещению деятельности ограниченного числа акторов, каким бы значимым ни был их личный вклад в историю.

Существующая сейчас коммуникационная сеть включает сотни людей, ее частью являются генеалогические цепи основных героев исследования. Значительная часть “точек” сети – это ученые, наследие которых оказалось важным для первых поколений аналитиков рынка и общественного мнения, а также профессора, готовившие их к самостоятельной исследовательской деятельности. Многие в истории проведения рекламных кампаний определялись капитанами бизнеса, которые выступали заказчиками рекламы и инициаторами привлечения науки к изучению механизмов воздействия рекламы на потенциальных покупателей. Если говорить о становлении опросов общественного мнения, то здесь во многом решающее значение имели позиции журналистской элиты и политиков. Они – тоже члены этой коммуникационной сети.

Численность элементов сети и ее ярусность по сути определяют “толщину” и границы настоящего, о чем я говорил выше. Отмечу одно принципиальное свойство строения коммуникационной сети: вообще говоря, ее можно создавать, начиная движение с любой точки, процесс ее конструирования – сходящийся, и результат, финальное строение сети, при соблюдении определенных критериев, слабо зависит от ее строителя. Я начинал исследование истории опросов общественного мнения и возведение коммуникационной сети с изучения биографии Гэллапа, но я имел бы тот же результат, если бы первым на моем пути были Роупер, Кроссли, Кэнтрил или любой аналитик, оставивший заметный след в изучении мнений, в проведении опросов.

Какого рода связи ты артикулировал и анализировал?

В данном исследовании было непродуктивно выделять формальные и неформальные связи – ведь стремление к творчеству, желание быть независимым в бизнесе, успешность карьеры практически всех моих героев по сути означают, что чисто функциональный тип отношений между ними – явление крайне редкое. Здесь целесообразнее говорить о прямом, непосредственном диалоге субъектов коммуникации и диалоге внутреннем, или мысленном.

Прямой диалог означает личное знакомство и предполагает существование различных форм коммуникации между его участниками профессиональной, дружеской и прочее; такие контакты могут быть непосредственными или опосредованными, например обмен письмами. Мысленный диалог тоже может быть формой общения знающих друг друга людей, однако

в рамках этого исследования под подобной формой коммуникации подразумевались прежде всего “мысленные разговоры”, “внутренние диалоги” живущих, активно действующих людей с их предшественниками, размышления по поводу жизни и наследия последних. В таких диалогах реальное “я”, не порывая с собою, постоянно спрашивает о чем-то лично неизвестном ему “историческое

не-я” и самостоятельно пытается ответить за него на эти вопросы. В момент внутреннего диалога реальный субъект общения “удваивается”: он говорит за “я” и за “не-я”.

Я подробно рассматривал многолетний и в высшей степени плодотворный мысленный диалог Гэллапа с лордом Брайсом, понимание которым природы и истории американской демократии стимулировало проведение Гэллапом “выборочных референдумов”, то есть опросов общественного мнения. Редко цитируемая книга Гэллапа “Грядущее чудо” [Gallup. 1964] о психобиологических основах мышления и памяти – свидетельство его, как сказали бы сегодня, “виртуального общения” с Фрэнсисом Бэконом.

В России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связке с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам

Возможно, об этом диалоге можно было бы здесь и не говорить, но признание ценности бэконовских принципов науки и научного знания, опора на них в эмпирических поисках – одна из составляющих сущности и стиля работы Гэллапа [Gogan. 1997].

Однако создание богатой, многослойной коммуникационной сети является лишь частью методологии исторического исследования, базирующегося на биографическом материале. Второй круг методологических проблем – это создание биографий, например отбор биографических данных. Такой проблемы нет, если биографических сведений мало, но в ряде случаев необходима селекция подобной информации.

Здесь принципиально заметить, что обсуждаемое историко-наукоедческое исследование имеет дело не вообще с биографией, а с профессиональной биографией, показывающей человека в профессии и для профессии... Хотя в действительности удержаться в заданных себе границах иногда бывает очень трудно; влияние личности героя может быть настолько сильным, что хочется говорить о нем не только как о профессионале. Тем более что во многих случаях профессиональное было почти тождественно личностному.

Ну что же, мне кажется, нам удалось прояснить твою методологию. Видно, что здесь слитно присутствуют профессионализм социолога и историка (науки). Не будучи историком, не могу себе представить, как бы стал рыться в архивах и справочниках в поисках сведений о некоем в сущности побочном для “целевого” персонажа ученом или ином деятеле. Я вижу, что мы в беседе, возможно, несколько перебрали во взаимных реверансах. Эта манера присуща людям искусства, у них реплика “Старик, ты гений!” – норма. Да простится нам, представителям иной профессии. И скажу вполне серьезно – ты действительно разработал особую методологию интервью с экспертами. Ее можно адаптировать и к иным областям, то есть за пределами социологии и истории науки – в сферах изучения развития предпринимательства, управления и т. д.

Сердечное спасибо, Боря, за полезный для нашего дела разговор. Старик, ты молодец! ■

Литература

- Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 4. СПб.: Норма, 2005.
- Беспалова Ю.М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
- Гилберт Дж. Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
- Докторов Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
- Докторов Б. Дж. Гэллап всегда первым знал, кто будет новым президентом Америки // Взгляд (Сан-Франциско). 2000а. № 394. 11–17 марта. С. 20–21.
- Докторов Б. З. Дж. Гэллап – наш современник: к 100-летию со дня рождения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000б. № 2. С. 2–18.
- Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп. 2000в. № 4. С. 16–31.
- Докторов Б.З. Эмиль Хурья – волшебник политического анализа // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 5. С. 30–40.
- Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2005а.
- Докторов Б.З. “Я живу в двуедином мире...” (Интервью Н. Мазлумяновой) // Социологический журнал. 2005б. № 4. С. 132–167.
- Докторов Б. Реклама должна продавать. (К попытке анализа наследия П.Т. Барнума, Х. Гейла, У. Скотта и Э. Стронга) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005в. № 5. С. 44–53.
- Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социально-прогнозирования, 2006а.

- Докторов Б.З.* “Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...” (Интервью Б.М. Фирсову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006б. № 3. С. 2–13.
- Докторов Б.З.* Дэвид Огилви: рекламист на все времена // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006в. № 4. С. 39–51.
- Докторов Б.З.* История в биографиях и биографии в истории (Тезисы для чтений памяти В.Б. Голофаства. Петербург. 23–25 марта. 2007а) <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/golofast.html>>
- Докторов Б.З.* Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007б. № 6. С. 67–82.
- Докторов Б.З.* Он изучал людские мнения “нещадно, вопреки всему”. Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // Социологический журнал. 2007в. № 4. С. 171–184.
- Докторов Б.З.* Учителя и учителя учителей // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007г. № 2. С. 29–41.
- Докторов Б.З.* Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
- Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.
- Заславская Т.И.* “За то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью” (Интервью Б. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
- Здравомыслов А.Г.* “Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
- Инфельд Л. Эварист Галуа.* Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
- Коллинз Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
- Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. М.: АН СССР, 1962.
- Кузнецов Б. Г.* Галилей. М.: Наука, 1964.
- Кузнецов Б.Г.* Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
- Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
- Рогозин Д.М.* Рецензия на книгу Б.З. Докторов “Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75). С. 131–138.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
- Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Философия и методология истории. Сборник статей / Отв. ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977.
- Фирсов Б.М.* “...О себе и своем разномыслии...” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.
- Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 23 января 2004 г.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 26 февраля 2004 г.
- Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 22 сентября 2004 г.
- Электронное письмо Дж. Гэллага (John Hoagland Gallup) Б. Докторову от 24 июля 2000 г.
- Ядов В.А.* “...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...” (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005а. № 3. С. 2–11; 2005б. № 4. С. 2–10.
- Cantril H.* The Human Dimension: Experiences in Policy Research. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1967.
- Gallup Genealogy. Provo, Utah: Brigham Young University, 1987.
- Gallup G.* The Miracle Ahead. New York: Harper & Row Publishers, 1964.
- George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // Journal of Advertising Research. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 21.
- Hogan J.M.* George Gallup and the Rhetoric of Scientific Democracy // Communication Monographs. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 161–179.